

Michelle Quach

**NOT HERE
TO BE
LIKED**

Настоящему Дж.

1

Я ДЕЛЮ СПАЛЬНЮ СО СВОЕЙ СТАРШЕЙ СЕСТРОЙ

Ким, и все бы ничего, только каждый раз, когда я захожу, она делает недовольную мину:

— Ты что, в этом пойдешь?

Она указывает на меня щеточкой туши. Будь недоумение в ее взгляде еще чуть гуще, оно начало бы осыпаться на пол.

— Нормальная одежда. — Я пытаюсь засучить рукава, но они тут же сползают обратно. — Забей.

Она права: на мне огромный полиэстеровый свитер цвета асфальта на парковке, и его никак не назовешь привлекательным. Но мне плевать. На самом деле примерно так я и одеваюсь каждый день. Однажды я прочитала, что многие важные люди носят подобную «униформу», чтобы тратить умственные усилия не на внешний вид, а на то, что действительно важно, — поэтому я последовала их примеру. Ким считает, что это ужасный образ жизни.

— Разве сегодня у тебя не большое событие?

Я плюхаюсь на кровать с книгой. Это роман Айлин Чжан, который я случайно нашла в библиотеке. Мне он нравится, потому что главная героиня — китаянка, умная, но немного ершистая. Было бы таких в мире

побольше. Но это, конечно, только мое личное мнение.

— Так как? — спрашивает Ким, дождавшись, когда я переверну страницу.

Я откусываю кусочек сачимы по-кантонски (это такая плотная липкая мучная сладость, похожая на батончик из воздушного риса, только без зефирок). Я чувствую, как нетерпение Ким прямо-таки сгущается в воздухе, поэтому делаю глоток чая и переворачиваю еще одну страницу.

— Точно, — соглашаюсь я. — Большое событие.

Сегодня редакция «Горна Уиллоуби», нашей школьной газеты, будет выбирать нового главного редактора на следующий год. Это священный ритуал, который проводится примерно в одно время каждую весну. А в этом году я перешла в десятый класс, так что наконец имею право выдвинуть свою кандидатуру.

— Так, может, оденешься понаряднее? — Ким снова принимается рисовать себе карандашиком толстые горизонтальные брови, как у актрис из корейских сериалов. — Или ты не хочешь, чтобы за тебя голосовали?

Вообще-то я не верю в самопиар, никогда не верила. Как я люблю повторять, продвинуть тебя могут только факты, что в журналистике, что в жизни. И вот факты обо мне.

Уже почти три года я состою в штате «Горна», и такого плодотворного, усердного и ответственного работника в редакции никогда прежде не было. Я могу написать качественную статью на 750 слов ровно за полчаса. Каждый месяц в половине случаев на первой полосе оказываются именно мои материалы. Я уже сейчас являюсь ведущим редактором, хотя на эту должность обычно назначают учеников выпускного класса. Так что я не хочу, чтобы ре-

дакция «Горна» проголосовала за меня только из-за того, что я приделась. Они выберут меня, потому что это самый разумный вариант. Ведь — без преувеличения — никто другой не справится с этой работой лучше.

А еще потому, что (так уж вышло) выбирать не из кого. Больше никто не предложил свою кандидатуру.

— Я единственный кандидат, так что для назначения мне просто надо набрать достаточный минимум голосов, — объясняю я, дожевывая сачиму. — Вообще это больше похоже на назначение в Верховный суд, чем на выборы.

Но Ким так просто не переубедишь.

— Хочешь, я тебе хоть волосы завью или еще что-нибудь в этом роде?

Честное слово, иногда моя сестра настолько же упертая, насколько непробиваемая.

— Для редакции «Горна» это не важно, Ким. Там смотрят на заслуги. — Я скатываю шуршащую обертку от сладости в шарик. — Если бы я хотела поучаствовать в фарсе, я бы баллотировалась в ученический совет.

— Ну, как-то раз ты ведь это сделала.

А это уже неожиданная колкость, резкая, но несущественная, как порез от бумаги.

— Это было давно.

Ким всего на два года старше меня, и раньше она тоже училась в Уиллоуби. В прошлом году, когда она оканчивала школу, я надеялась, что, когда она выпустится, я наконец от нее освобожусь. Но потом она, естественно, прошла только в Калифорнийский университет в Ирвайне. «Так близко от дома! — сказал тогда папа. — Не придется жить в общежитии и тратить на него деньги». Вот и приплыли. Как в старые добрые времена.

— Можно хотя бы иногда навести красоту, Элайза, от этого не умирают.

Я корчу рожу: один глаз замуриваю, морщу нос, свешиваю набок язык.

— А что, я, по-твоему, некрасивая? — шучу я, пытаясь говорить, не меняя гримасы.

Ким отвечает так, словно я задала вопрос всерьез.

— Да.

Мое веселье утекает холодной капелькой вниз по щеке. Секунду я наблюдаю, как сестра легко наносит коралловое пятно на губы, а потом вяло пытаюсь пошутить еще раз:

— А ты не верь стереотипам о том, что привлекает мужчин, Ким.

Но она верит на все сто. Видите ли, сестра из тех девушек, которые, на свою беду, считают, что должны быть красивыми. Вообще она не виновата, к тому же она и так красивая. У нее чудесные глаза, большие, как у актрисы Фань Бинбин, с такой почти европейской складочкой верхнего века. Чтобы иметь такие веки, многие азиатские девчонки, может, не убили бы, но точно рассмотрели бы вариант приставить кому-нибудь нож к горлу. Когда мы были помладше, люди часто восклицали (обычно на кантонском диалекте), какая она хорошенькая: «*Gam leng néuih ā!* Она могла бы участвовать в конкурсе “Мисс Гонконг!”».

— А ты разве хочешь заниматься такой ерундой? — спросила я однажды, но мама на меня шикнула:

— Это не тебе говорят!

Мама как раз появляется на пороге, чтобы проверить, готова ли я идти.

— *Đi đươc chưa?* — спрашивает она по-вьетнамски.

У нас дома часто говорят как на вьетнамском языке, так и на кантонском диалекте. А вот мандаринское

наречие звучит только изредка, обычно в виде какого-нибудь мудрого изречения. Кантонцы нашу семью называли бы *shh kiih*, то есть «заморские китайцы». По сути, это означает, что хотя три поколения нашей семьи жили во Вьетнаме, тем не менее мы все пытаемся быть китайцами. Мы с Ким понимаем все три языка, но, будучи ленивыми американками, часто отвечаем по-английски.

— Да, конечно, — говорю я маме, слезая с кровати и начиная собирать учебники.

Она пользуется возможностью оценить мой внешний вид:

— Ты разве?..

— Пойдем. — Я вскакиваю и проношусь мимо нее, прижимая книги к груди. Рюкзак наполовину расстегнут. — Пока, Ким!

На улице воздух пока прохладный, как будто солнце еще само не свое. Оросители только что отключились, оставив пятна темного асфальта вдоль газона. Мы с мамой идем мимо рядов знакомых домов. Я вдыхаю испаряющийся туман. Пахнет сырым бетоном и теплой почвой. Утро в оштукатуренной пустоши.

Мы идем вдоль длинного проезда к нашей крытой стоянке, и тут у меня гудит телефон. Это сообщение от Джеймса Джина, нынешнего главного редактора «Горна».

Думаю, тебе будет интересно узнать, что написал мне прошлым вечером Лен Димартайл.

Неожиданно. Лен — наполовину японец, наполовину белый, его в этом месяце перевели в новостной отдел. Мы с Джеймсом никогда прежде о нем не говорили.

Я: А что, он уходит?

Джеймс: Вообще-то он решил в главные редакторы податься.

— Элайза, я же тебе сто раз повторяла, не морщи лоб так сильно, — делает замечание мама. Наша машина в нескольких метрах от нас, и она снимает ее с сигнализации. Автомобиль неодобрительно пикает. — Ты что, хочешь такой и остаться? Как квашеная капуста!

Я отстаю от мамы на несколько шагов, и теперь мои брови могут лезть на лоб, сколько им вздумается.

Я: Он нарцисс или мазохист?

Джеймс: Да ладно тебе, Цюань.
Это неспортивно.

— Это у тебя точно от отца. — Мама продолжает разглагольствовать насчет моей лицевой гимнастики. — Отвратительная привычка.

Я не обращаю на нее внимания и сажусь на пассажирское кресло. Одной рукой захлопываю дверь, а другой пишу сообщение:

Я: Ничего неспортивного.

Джеймс: Вот как? Значит, тебе плевать, что наш Леонард бросает тебе вызов?

Вот теперь мой лоб действительно превращается в гармошку. Seriously? «Наш» Леонард вошел в штат «Горна» всего лишь год назад. Не знаю, что он думал, когда предложил свою кандидатуру, но факт остается фактом: Леонард еще совсем зеленый, как яблоко сорта «Веселый фермер».

Я: Мне все равно, что он делает.

Мечтать не вредно.

Джеймс: Ну хорошо. Рад, что ты не боишься небольшой конкуренции.

— Элайза, ты хоть слушаешь? — спрашивает мама нахмурившись и заводит машину.

— Да, конечно.

Но мои плечи напряжены из-за неожиданной новости. Точно так же они напрягаются, когда, играя в «Эрудит», я готовлюсь построить слово с заходом на красную клетку, которая утраивает очки. Я печатаю:

Пусть попробует.

2

«ГОРН» БЫЛ ОСНОВАН ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ПОСЛЕ того, как Старшая школа Уиллоуби открыла свои двери для учеников. Это была первая муниципальная академия для подготовки к вузу в объединенном округе Жакаранда. Сначала редакция была маленькая. Группа преданных своему делу ребят во главе с Гарольдом Слоуном (или просто Гарри, выпускником 1987 года), молодым человеком с непревзойденным даром смотреть в будущее. Почти все традиции «Горна» возникли благодаря его удивительной изобретательности.

Даже само название, «Горн». Гарри его выбрал, потому что оно навевает отдаленно-военные ассоциации, связанные с нашим школьным талисманом, спутником «Страж». Как-то раз, в первый год существования газеты, он притащил настоящий латунный горн, который, как многие считают, он стянул из соседней Академии св. Агаты (тогда она называлась Военная школа св. Агаты для мальчиков). На самом деле Гарри купил его в антикварной лавке в Фуллертоне (штат Калифорния). Я это знаю, потому что однажды из любопытства написала ему электронное письмо, и он мне рассказал, как было дело. На горне выгравировали лозунг издания: «*Veritas omnia vincit*», и сейчас он украшает рабочий стол мистера Пауэл-

ла, как настоящая историческая ценность. «Истина все побеждает».

А вот еще пример: уже упоминавшиеся выборы. Главного редактора «Горна» всегда выбирают точно так же, как в первый год выбрали Гарри, — общим голосованием сотрудников редакции. Рассказывают, что он хитростью добился того, чтобы главредом выбрали его, а не Лизу Ван Виз, также выпускницу 1987 года (все знали, что школьный психолог в редакторы прочил ее). Гарри это отрицал, а комментарий от девушки я получить не смогла. Но, наверное, самая крутая идея Гарри — это Стена редакторов. На дальней стене редакции, между шкафом, полным томов Шекспира, и постером мистера Пауэлла с певцом Джонни Кэшем, разместились портреты всех главных редакторов, начиная с Гарри. Эту традицию он подсмотрел в студенческой газете во время экскурсии по северо-восточным вузам. Каждый портрет нарисовал настоящей китайской тушью Итон Го, выпускник 1988 года, первый художник и некогда карикатурист «Горна». Он и сейчас рисует каждого нового главного редактора (даже при том, что работает стоматологом в Ирвайне).

Стена редакторов — это первое, что я вижу каждое утро, когда вхожу в класс мистера Пауэлла на нулевой урок. И всякий раз я хотя бы на секунду замираю, чтобы полюбоваться портретами и напомнить себе, к чему стремлюсь. Потому что правда такова: если твое лицо окажется в этом ряду, то ты значимая личность в школе Уиллоуби. Это все равно что быть школьным президентом (еще одна важная должность в школьном самоуправлении): если ты главред «Горна», значит, тыходишь в состав организации. Даже если главред из тебя выйдет никакой, ты оставишь след в истории. Ты всегда сможешь сказать: «Ну, по крайней мере мой портрет висит на стене».